

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

В. С. Ягья

СДВИГИ В СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭФИОПИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

В литературе еще нет специальной работы, посвященной анализу социально-экономической структуры населения Эфиопии. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть сдвиги в классовом строении Эфиопии в новейшее время¹.

Общественно-экономическая структура современной Эфиопии, характеризующаяся господством феодальных производственных отношений, а также наличием капиталистического уклада и сохранившихся местами остаточных явлений родо-племенных отношений, обуславливает многообразие существующих в стране классов, слоев и прослоек.

По сравнению с исходным годом рассматриваемого периода истории (1917/18 г.) в классовом строении Эфиопии произошли определенные изменения, вызванные развитием капиталистических отношений (к 1918 г. в хозяйстве страны возникли лишь отдельные элементы капитализма), но по-прежнему основные классы общества — феодалы и крестьянство (хотя они и претерпели некоторую модификацию), отношения между которыми определяют природу феодального способа производства. Вместе с тем в Эфиопии формируются социальные группировки буржуазного общества. Что касается дофеодальных объединений, то они постоянно испытывают воздействие новых общественно-исторических тенденций: связи внутри их слабеют, усиливается имущественное неравенство между их членами и т. д.

Главным эксплуатируемым классом и поныне продолжает оставаться крестьянство. Оно количественно преобладает над всеми другими классами и слоями: по официальной оценке, в Эфиопии насчитывается 4 млн. крестьянских семей [1], или около 90% населения. Для него свойственна социальная многослойность, что объясняется, во-первых, существованием в рамках феодальной общественно-экономической формации различных укладов и, во-вторых, разнообразием практиковавшихся и практикующихся форм феодальной эксплуатации.

Самый многочисленный слой крестьянства — свободные (большей частью формально) крестьяне-арендаторы. За аренду они выплачивают землевладельцу до $\frac{2}{3}$ урожая (но, как правило, не менее $\frac{1}{3}$, в очень

¹ Статья не претендует на полноту изложения материала. В ней лишь определяются основные социально-классовые изменения в эфиопском обществе.

редких случаях— $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$)². Кроме того, до 1944 г. существовала барщина, но отработочная рента сохранилась и по настоящее время, правда зачастую в модифицированном виде, а именно: оказание крестьянином бесплатных трудовых услуг становится своеобразной платой помещику за увеличивающиеся ежегодно долги. До сих пор крестьяне обязаны подносить помещику различные подарки (например, в пасху — одну овцу от деревни). С крестьян землевладельцы стремятся взыскать в свою пользу те налоги (преимущественно в натуральной форме), которые им приходится выплачивать государству. К таковым относятся налог вместо десятины, поземельный налог, налог на образование и налог на здравоохранение. Особенно помещики преуспели в сборе с крестьян-арендаторов десятины. По-видимому, в данном случае на руку помещикам играет в значительной мере традиция, связанная с тем, что до 1944 г. десятина с крестьянских дворов ежегодно шла в обязательном порядке в государственную казну. Кроме того, крестьяне-арендаторы выплачивают государству налог на скот, ставки которого колеблются в расчете на одну голову скота от 0,1 до 1 эф. долл. [см. 9, стр. 261]. Словом, арендаторское крестьянство подвергается жестокой эксплуатации, испытывая двойной гнет со стороны помещиков и государства. Монопольное положение крупных земельных собственников позволяет им использовать самые жестокие методы феодальной эксплуатации, полностью присваивая земельную ренту и лишая крестьян средств, необходимых не только для расширения хозяйства, но и для поддержания нормального уровня потребления. Издольщик обречен на постепенную пауперизацию, поскольку у него изымают даже часть необходимого продукта.

Еще тяжелее, чем у крестьян-арендаторов, было положение так называемых гэббарных крестьян. Существование этого слоя феодального крестьянства было связано с наличием в общей структуре поземельных отношений Эфиопии так называемой гэббарной системы, которая, думается, являлась одной из форм крепостного права. Она широко применялась в южных, юго-восточных и юго-западных районах, присоединенных к Эфиопской империи в конце XIX в. В 1935 г. гэббарная система не практиковалась только в центральных районах современной Эфиопии и примыкающих к ним (небольших по площади) областях.

Суть ее состояла в том, что земля, жалуемая императором военным и гражданским чиновникам для прокормления, предоставлялась вместе с жившими на ней крестьянами (гэббарами), которые должны были полностью содержать этих представителей власти. Число гэббаров у того или иного чиновника или военнотружашего зависело от его заслуг и должности: солдату, например, выделялась одна крестьянская семья. В тех случаях, когда гэббары не могли рассчитаться со своим хозяином, они отдавали ему в рабство своих детей [см. 6, стр. 108]. Гэббары также платили налоги государству (императору). В связи с тем что непосредственное управление на местах было возложено на традиционных родовых старейшин и племенных вождей, гэббарные крестьяне по-

² В гражданском кодексе Эфиопии зафиксирован предельный размер арендной платы, а именно: $\frac{3}{4}$ урожая. Как отмечалось на состоявшемся в 1965 г. в Университете им. Хайле Селассие I семинаре юридического факультета, натуральная феодальная рента подобных размеров в Эфиопии не практикуется. Было высказано предположение, что введение ее призвано стимулировать увеличение производства сельскохозяйственной продукции на полях крестьян-арендаторов [13, стр. 156]. В проекте аграрной реформы, представленном в апреле 1971 г. на рассмотрение парламента, предусматривалось установить максимум арендной платы в размере $\frac{1}{3}$ урожая [см. 7].

пали еще и под гнет своей верхушки (постепенно феодализирующейся). Таким образом, гэббары испытывали тройную эксплуатацию: со стороны феодального государства, пришлого военно-чиновничьего персонала и своей традиционной родо-племенной верхушки. Гэббарная система, сдерживавшая экономическое развитие Эфиопии, была упразднена сразу же после ее освобождения от итало-фашистской оккупации. Тем самым исчезла прослойка гэббарных крестьян в среде эфиопского крестьянства. Подавляющее большинство из них стало арендаторами.

Среди арендаторского крестьянства в настоящее время выделяются своим особенно тяжким положением крестьяне, сидящие на церковно-монастырских землях и арендующие эти земли. Законы страны, запрещавшие взимание различных податей и повинностей с крестьян, кроме налогов, установленных государством, официально не распространялись на «церковно-монастырских крестьян». Наоборот, им вменялось в обязанность оказание различных бесплатных трудовых услуг церквям и монастырям, вплоть до обработки земель, оставленных церковнослужителями для ведения собственного хозяйства. Эти крестьяне отдают в качестве арендной платы часть их урожая, обычно одну треть. Выплачиваемые ими также поземельный налог и налог вместо десятины идут в церковную (или монастырскую) казну. Сверх того, с них причитаются различные подношения священнослужителям.

Немногочисленной прослойкой является общинное крестьянство. Общинных земель в Эфиопии мало; они расположены главным образом в провинциях Шоа, Тигре и Эритрея. Ответственность за выполнение феодальных повинностей в общине возлагается на выборного старосту — *чыкка шума*, который постепенно превращается в пожизненного управителя. В 60-х годах ускорился процесс распада общины, из нее выделяются собственники, нередко использующие наемный труд.

На долю общины и частнокрестьянского землевладения приходится около 10% пригодной для обработки земли. Крестьяне — собственники земли составляют особый слой в среде земледельческого населения Эфиопии. Крестьяне-собственники выплачивают государству единый земельный налог, состоящий из поземельного налога и налога вместо десятины. Кроме того, на них распространены налоги на образование и здравоохранение. Размеры всех этих налогов довольно высоки (от 15 до 50 эф. долл.), поэтому-то они часто не могут выплатить его в срок. Государство прибегает к штрафам, чтобы заставить вовремя вносить налоговые платежи, увеличивая тем самым задолженность крестьян — собственников земли и ухудшая их материальное положение. Но, хотя крестьяне — земельные собственники терпят значительные лишения, они в социально-экономическом отношении выгодно отличаются от остальной крестьянской массы.

В начальный период новейшей истории в Эфиопии было немного частнособственнических крестьянских хозяйств. С 40-х годов и по настоящее время число их резко увеличилось. В этом сказывается одно из направлений аграрной политики эфиопского правительства, предусматривающего постепенный перевод феодального хозяйства на рельсы капиталистического развития путем расширения аренды государственных и частных земель и передачи части государственных земель в индивидуальное владение. Часть крестьян — собственников земли начинает организовывать свое хозяйство на предпринимательской основе, при этом некоторые из них приарендовывают земли у помещиков (арендуют часть земли у помещиков нередко и те крестьяне-собственники, которые по-прежнему ведут хозяйство на докапиталистических началах). Тем самым они пополняют ряды аграрной буржуазии Эфиопии.

В целом, однако, крестьянское хозяйство носит натуральный и полунатуральный характер. Большинство крестьянского населения составляют бедняки; кулацких и середняцких хозяйств немного. Основная масса крестьян имеет обрабатываемые земельные участки, не превышающие по своим размерам 1 га; есть крестьянские наделы, площадь которых выше 1 га, но обычно не более 3 га [8, стр. 23—25; 19, стр. 496]³. При этом следует учитывать изолированность друг от друга отдельных участков обрабатываемой крестьянином земли, что, естественно, снижает экономическую эффективность их использования и возможности применения современной агротехники.

В довершение ко всем тяготам, испытываемым крестьянами, будь то арендаторы или собственники, следует указать на их эксплуатацию со стороны торгово-ростовщического капитала. Газета «Аддис Эмэн» в редакционной статье писала, что скупщики сельскохозяйственной продукции продают ее затем по ценам, превышающим в два-три раза цену, по которой она была приобретена у крестьян. Газета прямо называет подобное явление грабежом [2].

Развитие торгово-ростовщического капитала, действующего в эфиопской деревне, свидетельствует о росте еще одной стороны капитализации в сельском хозяйстве. В прошлом (имеется в виду начало новейшего периода в истории) в Эфиопии сфера действия торгово-ростовщического капитала была крайне узкой.

В целях противодействия жестокой эксплуатации со стороны торговцев и ростовщиков, а также для увеличения производства в 60-е годы в стране стали возникать сельскохозяйственные снабженческо-сбытовые кооперативы. Сейчас их около 20. Правительство стремится оказать им финансовую поддержку [14, стр. 320; 16, стр. 231]. Становление кооперированного крестьянства — новое явление в эфиопской действительности.

Говоря о сельском населении Эфиопии, нельзя не упомянуть о прослойке служилых людей, получивших за несение определенного вида службы в пользу государства (императора) землю в пожизненное, но не наследственное владение — так называемые гультовые земли. Система подобных пожалований, именуемая гультом, стала практиковаться в Эфиопии задолго до новейшего периода ее истории. Строго говоря, жаловалась не земля, а право собирать все или некоторые подати и налоги. Лишь служилые люди самых низших рангов, как правило, лично обрабатывают полученную в пользование землю, хотя некоторые из них стали все чаще прибегать к услугам батраков. Имеются различные виды (или типы) гультовых пожалований, что связано с выполнением различных обязанностей. Одним из самых распространенных является *мадэрья мэрет* — земля, которая предоставлялась, как правило, солдатам пехоты. Гультовые пожалования предоставлены территориальной армии, которая в ряде мест выполняет полицейский надзор. Положение низших гультення (так называется по-амхарски тот, кому пожалован гульт) намного лучше крестьян-арендаторов и даже в известной мере крестьян — мелких земельных собственников. Гультення низших рангов располагают к тому же сравнительно большими земельными

³ Согласно официальному заявлению в июле 1967 г. заместителя министра земельной реформы Бэллетэ Гэбрэ Цадька, одна крестьянская семья в стране обрабатывает немногим более 3 га [см. 1]. Но уже в третьем пятилетнем плане было отмечено, что из 4 млн. крестьянских хозяйств 90% имеет менее 5 га каждый, причем $\frac{2}{3}$ из них — менее 1,5 га [14, стр. 319]. По мнению Б. Уинид и Тайе Рета, лишь 5% крестьянских хозяйств располагает наделами в 3 га. Они полагают, что участки большинства из них едва достигают 0,5 га [20, стр. 192].

участками, достигающими часто 40 га и даже более. Гультэннья выплачивают, как правило, только налог вместо десятины. Они никогда не несли барщины и многочисленных поборов и повинностей. Лишь некоторые виды гультовых земель облагались дополнительными налогами. Поскольку тот или иной вид службы продолжал исполняться из поколения в поколение членами семьи первого гультэннья, то и пожалованная земля оставалась за ними и их потомками. Таким образом, земля превращается в наследственное, но все-таки условное держание — пользование.

Налоговые льготы, предоставляемые государством, земельные наделы относительно больших размеров, наследственно-условное закрепление земли, обладание определенными государственно-служебными функциями — все это выгодно отличает служилых людей низших рангов (гультэннья) от крестьянской массы, и в силу этих же причин их можно считать полуфеодальным слоем в структуре эфиопского сельского населения⁴.

Значительные по площади гультовые наделы получали феодалы, находившиеся на службе императора (государства), или те из престолюдинов, кто наиболее отличился, выполняя волю монарха. Крупные гультэннья по своему положению в обществе или социальному происхождению относятся к феодальному классу.

В 50—60-е годы правительство приняло несколько постановлений, в соответствии с которыми часть гультэннья становилась собственниками земли, прежде им данной в виде гульга. Тем самым они лишались налоговых привилегий, что вело к увеличению доходов государства. Кроме того, это означало сокращение численности гультэннья как социального слоя в классовой структуре Эфиопии и одновременно рост частного феодального либо крестьянского землевладения.

Земледельческий строй Эфиопии определял и поныне определяет экономическое и политическое господство феодалов. Крупное помещичье землевладение составляет общественно-хозяйственную основу эфиопского государства. На долю царствующего дома и светских феодалов приходится 60% пригодной к обработке земли, но не вся она включена в сельскохозяйственный оборот. Феодальный класс не был однороден в социальном отношении ни в начале новейшего периода истории Эфиопии, ни тем более сейчас. Высшую ступень занимают император, которому формально принадлежит вся земля, и члены его семьи (причем земли, находящиеся в собственности членов императорской фамилии, освобождены от налогов [16, стр. 226]), затем следует военно-феодальная знать, располагающая огромной земельной собственностью (владения отдельных ее представителей достигают нескольких тысяч гектаров).

Военно-феодальная знать, составляющая категорию крупных феодалов, обладает значительной экономической и политической силой. Выступив вкупе со средними и мелкопоместными феодалами, а также духовенством, они практически сорвали проведение аграрной реформы в середине 60-х годов. В 1967 г. феодалы воспротивились введению прогрессивного налога, устанавливаемого не в соответствии с размерами земельного участка (как было прежде, по закону 1944 г.), а с учетом дохода (урожая), полученного с этой земли. Дело дошло даже до открытого неповиновения правительству в провинции Годжам. [16,

⁴ Служилые люди до некоторой степени все-таки зависимы от феодального государства. Эта зависимость проистекает прежде всего из того, что земля за ними закрепляется до тех пор, пока они исполняют определенную службу. Отказ от нее влечет за собой изъятие пожалованного земельного участка.

стр. 229]. Представители военно-феодальной знати занимают, как правило, высшие посты в государственно-административном и военно-полицейском аппарате. На высокие государственные должности допускаются также феодалы средней руки и даже мелкопоместные, но они чаще всего служат в провинциальной, областной, окружной или районной администрации⁵. Хотя существуют определенные социальные различия между тремя указанными категориями феодалов (крупные — военно-феодальная знать, средние и мелкопоместные), все же в Эфиопии нет резкой сословной грани между ними, наблюдавшейся в европейских странах в эпоху феодализма. Это частично подтверждается отсутствием права наследования титула отца: сын должен заслужить военно-феодальный или феодальный (феодално-гражданский) титул отца своим служением государству (императору), начиная продвижение к нему от нуля через серию промежуточных титулов; довольно часты случаи, когда сын либо не достигает отцовского титула, либо вообще остается нетитулованным⁶.

Военно-феодальная знать в современной Эфиопии распадается на две основные группы. Одна состоит из представителей старой родовой аристократии, которые большей частью не занимаются непосредственно управлением государственными делами, хотя нередко имеют весьма почетные должности. Другая группа, возникшая в новейшее время в результате специальной политики императора как противовес первой в его стратегии модернизации страны, объединяет, как правило, выходцев из средних и мелкопоместных слоев феодального класса, которые (выходцы) допущены на высшие посты эфиопской администрации. В эту новую элиту вошли также некоторые члены родовых аристократических семей.

Обе группы военно-феодальной знати соперничают друг с другом, но и внутри каждой из них тоже немало разногласий, конкурентной борьбы и т. д. [подробнее см.: 17, стр. 150 и сл.]. Новая элита в отличие от старой быстрее приспособилась к капиталистическому развитию страны, включившись в предпринимательскую деятельность в наиболее прибыльных отраслях хозяйства.

Помещичье хозяйство лишь в наши дни все более приобретает черты товарного производства: в недалеком прошлом оно носило преимущественно либо натуральный, либо полунатуральный характер. Уже немало феодалов ведет свое хозяйство на капиталистической основе, что свидетельствует о процессе обуржуазивания помещиков.

Крупнейшим землевладельцем в Эфиопии является христианская церковь монофизитского толка. Обширные земельные угодья (около 30% пригодной для обработки земли)⁷ принадлежат не институту

⁵ До 40-х годов через феодалов (на основе института военно-феодальных ленов) осуществлялось управление страной. После целого ряда административных реформ структура государственного управления изменилась, сохранив, однако, немало элементов недавнего прошлого.

⁶ Классовые и сословные барьеры в Эфиопии менее податливы, чем в других странах Тропической Африки, хотя в ней (в Эфиопии) также нередки случаи перехода из одной социальной группы в другую. Вес человека в эфиопском обществе определяется наличием у него земельной собственности. Известный эфиопский ученый Мэсфын Уольдэ Марьям пишет следующее по этому поводу: «Собственность на землю рассматривается не просто с точки зрения извлечения из нее доходов, а как социальный статус индивидуума и [его.— В. Я.] семьи. Владение землей есть символ уважения, человеческого достоинства и гордости. Деление, таким образом, между теми, у кого есть право на землю... и у кого его нет, имеет более чем обычное экономическое значение» [цит. по: 18, стр. 147].

⁷ По иным оценкам, эфиопской церкви принадлежит до 40% земельного фонда страны [см. 19, стр. 460].

церкви в целом, а отдельным церквям и монастырям: многие из этих земель фактически присвоены различными церковнослужителями, и прежде всего верхушкой духовенства. Эфиопское духовенство, располагающее огромной экономической мощью и имеющее значительное влияние на общественно-политическую жизнь страны, представляет собой особый социальный слой в структуре феодального класса страны, причем сравнительно многочисленный. Предполагают, что в Эфиопии 200 тыс. священнослужителей, служащих приблизительно в 18 тыс. церквях и монастырях [15, стр. 110]. Духовенство в целом является одной из самых реакционных сил в стране⁸.

Своеобразной прослойкой в структуре феодального класса Эфиопии можно считать офеодализированную родо-племенную знать (о ней уже немного говорилось в связи с гэббарной системой), представители которой по-прежнему играют большую роль в сохранении политической стабильности государства. Своеобразие этой категории феодалов, представленной ныне в стране в значительной степени скотоводами-кочевниками, состоит в том, что она, в большинстве случаев не располагая непосредственно собственной землей и (или) скотом (земля и скот продолжают оставаться в коллективном владении и пользовании), присваивает производимый соплеменниками прибавочный продукт. В ее среду проникли и предпринимательские тенденции. Вот как описывает В. Иванов подобное явление, с которым ему пришлось столкнуться во время строительства при помощи Советского Союза нефтеперерабатывающего завода в Ассабе: «Вторым подрядчиком, с которым Твердохлебов (один из ведущих советских инженеров на стройке.— В. Я.) имел дело, был Баене. Ему исполнилось только тридцать, но он был уже главою рода, кочующего в пустыне... Прежде чем стать подрядчиком, Баене работал на стройке простым маляром. Получив заказ на окраску оборудования, он продолжал работать сам. На работу он приглашал людей из своего рода. Многим не платил ничего, исходя из каких-то своих внутриродовых расчетов, другим платил один эфиопский доллар в день при минимуме зарплаты 2,4 доллара (считая надбавку за жаркий климат в Ассабе)» [5, стр. 50]. Предпринимательство среди части офеодализированной родо-племенной знати и участие их соплеменников в работах по найму, свидетельствующее о социально-классовой дифференциации в дофеодальных объединениях, стали возможны лишь в результате общего капиталистического развития Эфиопии — процесса, который усилился в последние два десятилетия.

Переход от феодализма к капитализму, протекающий в стране эволюционно и при известном содействии со стороны государства, накладывает определенный отпечаток на классы и слои феодальной формации, медленно трансформирует их.

Феодальное по своей природе государство вследствие определенных конкретных исторических условий само занимается предпринимательской деятельностью, стимулируя тем самым рост частного предпринимательства. Возникшая государственная капиталистическая собственность способствует утверждению капиталистического способа производства, расширенному воспроизводству капиталистических отношений, но вместе с тем закрепляет политическую власть за феодальным классом.

Возможность использовать государственную собственность, при-

⁸ Например, церковь противится реформе эфиопской письменности, осуществление которой заметно бы облегчило усвоение населением грамоты и упростило бы типографское дело.

носящую прибыль, как-то обособляет правящую прослойку эфиопского общества, состоящую частично из обуржуазившихся феодалов, но не отделяет ее от феодального класса, ибо она направляет эту прибыль так или иначе на сохранение и укрепление власти породившего ее класса.

Становление капиталистической экономики в современной Эфиопии, ускорившееся в 60-е годы, сопровождается формированием классов и прослоек буржуазного общества, а именно: а) буржуазии, б) промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, в) средних слоев (интеллигенции, офицерства, чиновничества, служащих, студенчества). Переход от докапиталистических отношений к капитализму отмечен в Эфиопии и появлением так называемых промежуточных слоев: а) городских низов (полупролетарские элементы, люмпен-пролетариат и др.), б) крестьян, чье хозяйство основано на принципах простого товарного производства, в) мелкой городской буржуазии (ремесленники, кустари, мелкие предприниматели и торговцы). Экономической основой двух последних промежуточных прослоек служит мелкотоварный уклад. Рост мелкой буржуазии, особенно числа ремесленников, стимулируется государством. Еще в середине 40-х годов правительство открыло «Трудовой центр» по обучению старинным ремеслам, а также две профессионально-технические школы, где детей учат навыкам местного ремесленного производства. Государство предусматривает капиталовложения в домашнюю и кустарную промышленность (так официально называется ремесленное производство): по третьему пятилетнему плану (1968/69—1972/73 гг.) предполагается инвестировать 50 млн. эф. долл., причем преимущественно за счет самих ремесленников. В этом секторе эфиопской промышленности в 1962/63 г. было занято 186 тыс. человек [12], а в 1967/68 г.—уже 337 тыс. [14, стр. 334]. Его продукция в 1962/63 г. составила почти $\frac{2}{3}$ доли всей промышленности страны в валовом национальном продукте, а в 1967/68 г.—чуть меньше $\frac{1}{2}$. Предполагается, что в 1973 г., когда завершится третий пятилетний план, в домашней и кустарной промышленности будет работать 391 тыс. человек [14, стр. 334], но ее доля в валовом выпуске промышленной продукции составит только около 38%. Это сокращение произойдет в результате увеличения продукции фабрично-заводской промышленности. Чаще всего ремесленники используют только свой труд или труд членов своей семьи, но нередко нанимают и рабочую силу, продолжая по-прежнему участвовать в производстве. (Число рабочих у ремесленников, применяющих наемный труд, не превышает пяти.) Для большей эффективности кустарно-домашнего производства правительство предполагает создать в 1968/69—1972/73 гг. кооперативы из числа ремесленников.

Ремесленники подчас выступают одновременно в роли продавцов (торговцев) произведенной ими продукции. Немало в стране и самостоятельных мелких торговцев, не участвующих непосредственно в производстве продаваемых ими товаров. Так, по сообщению местных властей Аддис-Абебы, на столичном рынке Аддис-Кэтэма (иное название, более распространенное,—Маркато) в отдельные дни собирается до 150 тыс. торговцев, подавляющее большинство из них, по нашим наблюдениям, мелкие. В 1963 г. требовалась 1 тыс. эф. долл. для приобретения в столице небольшой торговой лавки по продаже галантерейных, скобяных и продовольственных товаров. Мне приходилось в Аддис-Абебе сталкиваться с несостоятельными людьми, которые копили буквально по грошам деньги для открытия такого дела.

В состав мелкой буржуазии входят также владельцы крошечных

баров, кофеен, ресторанчиков (подобных заведений только в Аддис-Абебе — около тысячи) и содержатели нелегальных публичных домов. В среде городской мелкой буржуазии идет процесс расслоения — превращения части ее в наемных рабочих. Лишь немногим удается собрать средства для организации крупного капиталистического предприятия. Выходцы из мелкой буржуазии города, попав в иную социальную среду, привносят в нее дух и интересы породившего их общественного слоя. Немало их можно встретить в составе средних слоев эфиопского общества.

Средние слои страны в целом, за исключением, пожалуй, левого крыла студенчества и некоторых представителей интеллигенции, являются социальной опорой существующего режима. Объясняется это в известной мере тем, что они экономически и политически зависимы от государственной власти. Однако отнюдь нельзя упускать из виду их относительную автономность от породившего общества (находящуюся еще в потенции, в имманентном состоянии), и прежде всего чиновничества и офицерства (свыше 3 тыс. человек, более 2 тыс. из них обучались в США), которые выделяются сравнительно высокой организованностью, уровнем образования и выполнением определенных экономических, политических (чиновничество) и военно-оборонительных (офицерство) функций. Проявление определенной самостоятельности обнаруживается, например, в том, что в ряде случаев чиновничество препятствует полной и быстрой реализации принятых правительством решений, в выступлениях части офицерского корпуса и возглавляемых ими воинских подразделений против императорского режима, в неоднократных попытках офицерства взять власть в стране в свои руки (например, декабрь 1960 г., сентябрь 1964 г., ноябрь 1966 г., декабрь 1969 г.).

Пожалуй, наиболее оппозиционно настроено студенчество, ядром которого можно считать молодежь из Университетского колледжа Аддис-Абебы (входит в состав Университета им. Хайле Селассие I). Оно основало свою организацию Национальный союз студентов Эфиопии. Хотя число студентов в Эфиопии не превышает 5 тыс. человек (высшие учебные заведения в стране возникли только в 50—60-х годах), они довольно активно воздействуют на внутривнутриполитическую жизнь страны (например, в результате демонстраций и стачек студентов весной 1969 г., одним из требований которых было запрещение деятельности американского «Корпуса мира», эфиопское правительство вынуждено было рассмотреть вопрос о сокращении в новом учебном году числа «корпсменов», занимавшихся педагогической деятельностью).

Особенно сильными были выступления студентов в конце 60-х годов. Начало 70-х годов также ознаменовалось новыми волнениями в студенческой среде. В 1970 г. студенты университета забастовали. На их усмирение были брошены части императорской гвардии, в итоге, по неофициальным данным, 10 студентов погибло, 100 ранено [10, стр. 502]. Внимание студентов обращено не только на внутренние проблемы своей родины. Они живо откликаются также на все важнейшие международные события (например, 15 октября 1969 г. 2 тыс. университетов устроили митинг протеста против войны во Вьетнаме). Часто к студентам присоединяются учащиеся старших классов школ 2-й ступени.

Прогрессивные взгляды распространены и среди эфиопских студентов, обучающихся за границей. В 1968 г. в зарубежных странах училось 2036 эфиопов, предполагается, что в 1968/69—1972/73 гг. будет направлено в иностранные вузы еще около 1500 человек [14, стр. 349].

Окончив учебные заведения, студенты пополняют ряды чиновничества, интеллигенции, служащих и т. д. и постепенно воспринимают идеалы и принципы принявшей их среды, а также соответствующие обязательства перед государством. (Так, из обучавшихся в 1950 г. за границей 200 студентов впоследствии 11 стали министрами, 5 — послами, 6 — губернаторами, 20 — помощниками министров, 65 — руководителями в хозяйственных и юридических организациях.)

Многие эфиопские студенты заражены мелкобуржуазной идеологией, что указывает отчасти на их социальное происхождение; в студенческой среде встречаются сторонники и противники капиталистического развития страны (например, студенты старших курсов факультета деловой администрации Университета им. Хайле Селассие I высказались против частного предпринимательства), а также те, кто связывает будущее государственное устройство страны с сохранением монархии, но со значительно ограниченными правами императора. Но как бы там ни было, студенты в своей массе видят необходимость радикальных социально-экономических преобразований в стране, требуют их осуществления (например, демократической аграрной реформы, реформы системы просвещения). С конца 60-х годов левое крыло студенчества стало оказывать заметное влияние на рабочее движение страны.

Фабрично-заводской пролетариат (свыше 60 тыс. человек), первые отряды которого появились в 20—30-е годы XX в., сейчас превратился в силу, с которой государство уже не может не считаться. В 1962 г. промышленные рабочие вкупе с рабочими-транспортниками (около 25 тыс. человек)⁹ добились официального признания правительством права создавать профсоюзы и организовывать забастовки [подробнее см.: 21]. Несмотря на правительственные ограничения в области забастовочной борьбы, профсоюзы организовали в 60-е годы несколько крупных выступлений рабочих за улучшение социально-бытовых и экономических условий труда; в результате предприниматели пошли на заметные уступки, увеличив, в частности, заработную плату на некоторых предприятиях. На рост сознательности и организованности рабочего класса негативно воздействует большая текучесть рабочих (особенно в строительной промышленности), так как многие из них еще связаны с деревней. Это обстоятельство для фабрично-заводских рабочих нивелируется в известной мере тем, что для них характерна высокая степень территориальной и производственной концентрации.

В основных районах размещения промышленных предприятий (в Аддис-Абебе, Асмаре, Диредаве и окрестностях этих городов) на долю рабочих приходится заметный процент населения. Но в целом удельный вес рабочих в общей численности населения страны (в 1971 г. — свыше 25 млн. человек) невелик. По подсчетам Э. Гинзберг и Г. А. Смита, сотрудников Управления международного развития США, на долю квалифицированных рабочих и конторских работников приходится менее 0,7% трудоспособного населения страны (по их оценке, приблизительно 7 млн. человек) [11, стр. 57—62]. Однако пролетариат составляет более 1/5 всех лиц наемного труда в Эфиопии (приблизительно 500 тыс. человек), что укрепляет его позиции как крупной социальной силы. Роль рабочего класса должна еще больше повыситься в ходе выполнения наметок третьего пятилетнего плана: предполагается, что в 1973 г. число фабрично-заводских рабочих увеличится на 48 300 человек [14, стр. 331].

⁹ Появление рабочих-транспортников в Эфиопии прежде всего связано с вводом в эксплуатацию в 1914—1917 гг. железной дороги Аддис-Абеба — Джибути.

Что касается сельскохозяйственного пролетариата, то он сравнительно малочислен (свыше 10 тыс. человек), ибо наемный труд в сельском хозяйстве применяется фактически совсем недавно. Использование наемной рабочей силы в деревне стало возможным в результате организации государственных ферм, плантаций и опытных сельскохозяйственных центров (например, овцеводческая ферма в провинции Шоа, полеводческая ферма на оз. Аусса, зерноводческая ферма в Бако, провинция Воллега), создания государственно-частных хозяйств, сдачи государственных земель предпринимателям нередко иностранного происхождения, перевода некоторыми помещиками своих хозяйств на капиталистические рельсы, сдачи в капиталистическую аренду частных земель, а также расширения товарности хозяйств кулаков и других зажиточных крестьян, прибегающих к найму рабочих. Пожалуй, к категории лиц, продающих свою рабочую силу на селе, можно отнести, правда с известными оговорками, бывших рабов, освобожденных по специальному указу 1942 г., но оставшихся у своих прежних хозяев¹⁰, выступающих с тех пор как работодатели, оплачивающие их труд обычно натурой.

Натуральная плата распространена также на многих рабочих, занятых в предпринимательском хозяйстве помещиков; нередко в качестве платы за труд помещики предоставляют земельные наделы рабочим, где те в свободное от работы время ведут свое хозяйство. Практикуется также оплата наемных сельскохозяйственных рабочих частично деньгами, а частично — продуктами (например, сборщики кофе в Лиму, провинция Каффа, за день получают 50 сантимов и на 25 сантимов продуктов). Испытывая недостаток средств, большинство сельскохозяйственных рабочих приарендовывают землю, которая позволяет прокормиться ему самому и его семье¹¹. Натуральная оплата труда сельскохозяйственных рабочих практикуется, как правило, вне зоны влияния крупных городов. Воздействие городских поселений на расширение сфе-

¹⁰ Институт рабства в Эфиопии сохранился до начала 40-х годов XX в. 27 августа 1942 г. был провозглашен «Указ об окончательной отмене рабства», согласно которому рабы освобождались (они становились полноправными гражданами Эфиопской империи). Был введен целый ряд наказаний за воспрепятствование их освобождению, за продажу, захват или передачу в рабство. Поскольку указ не предусматривал никакой помощи освобожденным рабам, немало их предпочло остаться у своих прежних хозяев. В этом случае их социальное положение все же изменилось: они стали юридически свободны. Тем не менее они представляют собой своеобразную прослойку в среде деревенской наемной силы, а в целом в среде сельского населения Эфиопии. Это своеобразие объясняется отчасти психологическими факторами, обусловленными прошлым положением бывших рабов.

¹¹ Труд сельскохозяйственных рабочих оплачивается крайне низко: ежедневная плата в большинстве случаев менее 1 эф. долл. Оплата неквалифицированных рабочих, занятых в промышленности, колеблется в пределах 0,75—1,5 эф. долл. в день, т. е. очень мизерная заработная плата. Ее едва хватает для поддержания нищенского существования самого рабочего и его семьи: в 1963 г. обед в скромной столичной харчевне — в пределах 1 эф. долл., в фешенебельном магазине столицы небольшой батон белого хлеба — 25 сантимов и т. д. Но простые труженики не посещают эти дорогие для них рестораны и магазины; они приобретают продукты в мелких лавочках, где и цены ниже и качество хуже. Некоторые одинокие рабочие столуются у своих родственников или знакомых, но и это обходится им недешево (до 15—20 эф. долл. в месяц). Потребляемая простолюдными пища, как правило, малокалорийна и однообразна. В связи с тем что в отличие от сельской местности прожиточный минимум в городе намного выше, бедственное положение промышленных рабочих еще более усугублено. Следует учитывать также постоянный рост цен, вследствие чего реальная заработная плата рабочих и служащих сокращается. В целом большинство населения страны систематически недоедает. Так, в 1961—1963 гг. в среднем в дневном рационе на душу населения не хватало 205 калорий до нормы потребления [подсчитано по: 3]. Но это средние цифры; следовательно, для основной массы населения данный показатель много выше.

ры товарно-денежных отношений в эфиопской деревне становится все более осязаемым.

Повышение темпов экономического развития в стране (например, за период действия второго пятилетнего плана объем производства ежегодно в среднем возрастал на 4,7% против предусмотренных 4,3%) ускоряет процесс формирования рабочего класса. Вместе с тем происходят консолидация и рост буржуазии как класса. Основной сферой деятельности частного капитала продолжает оставаться сфера обращения, в значительно меньшей степени — промышленность и еще меньшей — сельское хозяйство. Этим сферам деятельности соответствуют и основные слои национальной буржуазии — торговая, промышленная и аграрная. Составная ее часть — предприниматели из числа армян, греков, индийцев, арабов и итальянцев¹². Они преобладают по численности в среде торгово-промышленной буржуазии. В 60-е годы уже немало эфиопов стало вкладывать свои капиталы в торговлю, промышленность и в наименьшей степени в сельское хозяйство.

К торговой буржуазии относятся крупные и средние торговцы города, купцы и посредники, действующие в деревне, а также владельцы отелей, фешенебельных ресторанов, кафе и баров. Некоторые из них начинают вкладывать свои капиталы в сельскохозяйственное производство. Так, владелец отеля в Адиграте Йоханнес Гэбрэ Марьям в 1967 г. инвестировал 25 тыс. эф. долл. на создание животноводческой фермы; немало представителей торговой буржуазии скупало акции сельскохозяйственных компаний и т. д. То же самое можно сказать и в отношении участия торговой буржуазии в промышленном производстве.

Касаясь аграрной буржуазии, следует сказать, что она формируется из обуржуазившихся помещиков, чье хозяйство ведется в целях извлечения капиталистической прибыли, кулаков, зажиточных крестьян, местных предпринимателей и т. д. В целом капитализм в сельском хозяйстве Эфиопии развит очень слабо. Он представлен государственными и государственно-частными капиталистическими фермами и плантациями, предпринимательскими хозяйствами помещиков, хозяйствами местных и иностранных предпринимателей, арендующих у помещиков или государства землю, хозяйствами, организованными акционерными компаниями на землях, арендованных у государства или частных лиц, а также хозяйствами кулаков и зажиточных крестьян, основанных на частной собственности на землю и постоянной эксплуатации наемного труда. Разнообразие типов капиталистических хозяйств в эфиопской деревне порождает социальную неоднородность аграрной буржуазии страны, рассмотрение которой требует дифференцированного подхода.

В среде сельских эксплуататоров заметное место занимают ростовщики, в роли которых нередко выступают помещики. Г. Л. Гальперин сообщает, что один из бахрдарских помещиков имел долговые обязательства от крестьян на огромную для тех мест сумму — 5 тыс. эф. долл. [4, стр. 62]. Согласно утверждению А. Я. Эльянова, стоимость ссуды достигает 120% в год [8, стр. 42]. Довольно часто ссуда погашается натурой, что еще больше увеличивает доходы ростовщиков. Отчасти на базе ростовщического капитала, деятельность которого все глубже проникает в жизнь эфиопской деревни, складывается финансовая буржуазия страны. Этот процесс только наметился, что нашло свое выраже-

¹² Итальянцы, арабы, индийцы, греки и армяне, осевшие в Эфиопии и прочно связанные с ее хозяйственной жизнью, представляют собой так или иначе составной элемент формирующейся эфиопской нации. Вместе с тем в Эфиопии есть немало иностранных предпринимателей, в той или иной мере представляющих интересы крупных зарубежных монополий.

ние, в частности, в создании впервые в стране двух частных банков; значительная часть капитала одного из них принадлежит английскому «Нэйшнэл энд Гриндлэйз Бэнк, лтд», а другого — итальянскому «Банко ди Рома». Финансовая сфера — самое слабое звено в деятельности эфиопской буржуазии, что еще раз подтверждает слабость ее как класса. Вместе с тем это подчеркивает неразвитость капитализма в Эфиопии. Тормозом капиталистического развития страны являются господствующие в общественно-экономическом строе феодальные производственные отношения. Изменения, происшедшие в ее социально-классовой структуре в новейшее время, отражают медленный, эволюционный переход Эфиопии от феодализма к капитализму.

1. «Аддис Зэмэн», Хамле 20, 1959 (по эфиопскому летосчислению) (на амхарском языке).
2. «Аддис Зэмэн», Мэгабит 9, 1959 (по эфиопскому летосчислению) (на амхарском языке).
3. «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 1968, 5 ноября.
4. Гальперин Г., Экватор рядом, М., 1968.
5. Иванов В., Далекий и жаркий Ассаб, — «Азия и Африка сегодня», 1969, № 2.
6. Кэббэдэ Микаэль, Эфиопия и западная цивилизация, Аддис-Абеба, 1941 (по эфиопскому летосчислению) (на амхарском языке).
7. «Правда», 12.IV.1971.
8. Эльянов А., Эфиопия, М., 1967.
9. Ahooja Krishna, Development and Legislation in Ethiopia, — «Ethiopia Observer», 1966, vol. X, № 4.
10. Gilkes P. S., Ethiopia in Outline, — «Journal of African History», 1971, vol. XII, № 3.
11. «Ethiopian Journal of Education», 1967, vol. 1, № 1.
12. «Ethiopia Observer», 1964, vol. VII, № 3.
13. «Ethiopia Observer», 1966, vol. X, № 2.
14. «Ethiopia's 3rd Five Year Development Plan», — «Ethiopia Observer», [1970], vol. XIII, № 4.
15. Jandy E. C., Ethiopia Today: A Review of its Changes and Problems, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», 1956, vol. 306, July.
16. Lambton A. K. S., Ethiopia: an Approach to Land Reform, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», 1971, vol. XXXIV, pt 2.
17. Levine D. N., Wax and Gold. Tradition and Innovation in Ethiopian Culture, Chicago — London, 1965.
18. Mandefro B., Agricultural Communities and the Civil Code. A Commentary, — «Journal of Ethiopian Law», 1969, vol. VI, № 1.
19. U. S. Army Area Handbook for Ethiopia, Washington, 1964.
20. Winid B., Reta Taye, Ethiopia, — «Developing Countries of the World», Calcutta, 1968.
21. Zack A. M., Trade Unionism Develops in Ethiopia, — «Boston University Papers on Africa. Transition in Africa», ed. by J. Buttler and A. A. Castagno, New York — Washington — London, 1967.